

Надежда Кремень

SELENA

БЕЛОЛУНИЕ

"Каждый
куда-то идёт"

12+

Надежда Кремень

Белолуние

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кремень Н. В.

Белолуние / Н. В. Кремень — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вторая книга цикла рассказывает о приключениях героев в Миравии. Селене, Зебу и Гарашу предстоит отправиться за сывороткой для больного короля, но простая, на первый взгляд, задача может обернуться непосильным испытанием. Союзники оказываются врагами, реальность - вымыслом, невозможное - очевидным. Как не ошибиться? Кому доверять? Чего опасаться? Правда и ложь, дружба и предательство, прошлое и настоящее переплелись в новом рассказе Мудрейшего, ведь его истории правдивы, как сама жизнь.

© Кремень Н. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Его Мудрейшество последователен	5
Данория Палле	6
Зелёное пёрышко	10
Стихи и хризантемы	13
Старый друг	18
Благородный разбойник	23
Заноза	28
Дорожная грамота	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Его Мудрейшество последователен

Если бы не рассказы Мудрейшего, принц Рени, принцесса Лаэнца, мидав Золто и малыш Саватор по прозвищу Синий Жук не вернулись бы во дворец до самого ужина. Да и к ужину – тоже. Причиной тому была весна, внезапно посетившая Аштарские горы и, увы, по всем прогнозам кратковременная. Тёплый ветер принёс с ливарийских лугов ароматы первоцветов. Ошалевшие от неожиданного тепла птицы заверещали в кружевных зарослях. Бабочки, мухи и мошки бесстрашно вырвались из ледяного плена. Водопад у дороги ожил и зазвенел, обещая вскоре превратиться в бушующий поток.

В такую погоду хотелось бродить по узким тропкам, дышать благоухающим весенним воздухом, ловить зазевавшихся насекомых, чтобы немного подержать на ладони и снова выпустить на волю. Однако едва гувернантка сообщила о приезде его Мудрейшества, дети наперегонки бросились в Большой каминный зал.

– Хотите знать, что было дальше? – ухмыльнулся Мудрейший, едва завидев воспитанников.

Ему никто не ответил. Все знали, что спрашивает он просто так. О том, как давно дети ждут продолжения истории, во дворце не слышал только глухой.

– Что ж, – его Мудрейшество с юношеской ловкостью прыгнул в любимое кресло и кивком головы пригласил слушателей занять места у камина, – сегодня я расскажу вам о том, как его Величество Витас Первый... Впрочем, не буду забегать вперёд. Последовательность – едва ли не главное в рассказе, друзья мои. Слушайте же! Тот день выдался ярким и солнечным, что нередко бывает в первой половине осени...

Данория Палле

День выдался ярким и солнечным, что нередко бывает в первой половине осени, и, когда ночь окутала горы, ни единое облачко не заслоняло крупную белую луну.

Когда трое конных миновали частокол, символически ограждавший поселение, в домах уже не горел свет. Лишь из-за ворот придорожного трактира доносились отрывистые выкрики.

Первый всадник откинул капюшон, и тень на покосившемся дощатом заборе обнаружила женские черты: аккуратную головку, тонкую шею и выбившиеся из причёски длинные пряди.

Женщина кивнула одному из провожатых:

– Пора, Фили. Когда разыщешь того господина, скажи, что Данория Палле ожидает его на постоялом дворе. ... – она покосилась на вывеску, прибитую к почерневшим доскам, – ... на постоялом дворе «Логово вепря».

– Не опасно ли вам здесь оставаться, госпожа? – голос у Фили был совсем юный.

Та, что называла себя Данорией Палле, тряхнула головой:

– Не теряй времени, мой мальчик! Я буду ждать его сегодня же, в какой бы час он ни явился.

– Что если он не придёт, госпожа? – спросила Данорию вторая спутница, провожая юношу взглядом.

– Он придёт, Дора, – убеждённо заявила хозяйка. – Этот человек ненавидит загадки, и сразу захочет узнать, кто назначил ему свидание в столь позднее время.

Сказав это, госпожа Данория уверенно постучала в ворота. Не дождавшись ответа, она забарабанила громче, и вскоре внутри завозились. Лязгнуло железо, скрипучий голос поинтересовался:

– Кого принесла нелёгкая?!

Дора намеревалась что-то ответить, но хозяйка жестом приказала ей молчать. В ворота протиснулась седая голова трактирщика, похожего на хорька, пойманного в курятнике.

– Кого принесла нелёгкая, ядрёный пень?! – прошипел мужичишка, вглядываясь в темноту.

Госпожа Данория молча протянула ему свиток.

Дорожная грамота, в которой значилось, что советница варийского короля, Данория Палле следует из Вари в Миравию с дипломатической миссией, открывала перед ней все двери. И неважно, что миссия была вовсе не дипломатической, а печать на грамоте – поддельной. Госпожа Данория действительно следовала из Вари в Миравию, но об истинной цели её путешествия хозяину знать не полагалось.

Пока трактирщик суетился, показывая знатной даме лучшую комнату, выгодно отличавшуюся от прочих полным отсутствием крыс и малым количеством постельных клопов, Дора принесла кувшин с горячей водой, чтобы госпожа могла умыться с дороги. Данория велела хозяину держать её визит в тайне, нисколько не сомневаясь, что уже к утру о нём будут знать не только на постоялом дворе, но и далеко за его пределами. Раскрытие инкогнито её, впрочем, ничуть не заботило. Госпожа Данория рассчитывала покинуть гостеприимное село раньше, чем первые лучи солнца выглянут из-за верхушек деревьев. Но прежде следовало дожждаться посетителя, который непременно придёт, когда Фили сообщит о её приезде.

Умывшись восхитительно тёплой водой, о которой в минувшие дни можно было только мечтать, госпожа Данория села за крошечный столик с принесённым специально для неё мутноватым зеркалом, выставила перед собой фонарик Тафеля и приступила к ежевечернему ритуалу, выполнять который во время путешествия было затруднительно. На лицо и шею она нанесла толстый слой жирного крема, под глаза – лёгкую эмульсию с лепестками васильков и

экстрактом пустынного грашника¹. Кремы госпожа Данория не покупала – смешивала сама. Это было одним из немногих доступных ей развлечений.

На виски и запястья женщина брызнула по несколько капель любимых духов. Аромат жасмина, нагретого полуденным солнцем, был тонким мостиком, связывавшим её нынешнюю с той беззаботной девушкой, которой она была много лет назад.

– Мне скоро сорок, – проговорила Данория, обращаясь скорее к собственному расплывчатому отражению, чем к Доре, полировавшей башмаки шерстяной тряпочкой.

– Вам больше тридцати не дашь! – тотчас отозвалась служанка, и у хозяйки не было повода сомневаться в её искренности.

Говоря о возрасте, она имела в виду вовсе не внешность. Минувшие годы не превратили её в старуху. Несмотря на высокий рост, госпожа Данория по-прежнему держала спину прямо. Её подбородок не утратил прежнего изящества, а крупный нос с горбинкой, доставлявший хозяйке немало хлопот в юности, теперь казался верным признаком благородного происхождения.

Нет, с годами Данория Палле стала, пожалуй, ещё красивее, а потому сожалела она вовсе не об утраченной молодости.

Госпожа Данория потеряла нечто куда более важное, чем тонкость талии или блеск глаз. Больше десяти лет она провела не так, как хотела. И никакие чудодейственные кремы не могли вернуть эти годы.

– Скучаешь по дочери? – Данория знала, что Дора скучает. Женщина сопровождала её лишь затем, чтобы встретиться со своей Ришей, которая, если верить слухам, служила теперь в миравийской армии.

– Она в Миравии, госпожа, – вздохнула служанка. – Скоро я её найду. Вы тоже найдёте, не сомневайтесь!

В дверь постучались, и детский голос Фили доложил:

– Я привёл того господина. Прикажете позвать?

Кивком головы Данория велела служанке выйти:

– Зови, Фили. Я давно его жду.

Мужчина вошёл и осмотрелся. За дверью кто-то пронзительно завопил. Визитёр напряжённо прислушался, закатил глаза, после бросил беглый взгляд на фонарик Тафеля и оглядел комнату со сдержанным любопытством. Наблюдавшая за ним в зеркало Данория отметила, что он несколько не постарел, только отрастил острую чёрную бородку, добавлявшую лицу мужественности.

Наконец, посетитель втянул воздух и едва заметно улыбнулся:

– Я знал, что мы встретимся.

– Как ты меня узнал? – Данория поднялась ему навстречу. – Прошло столько лет!

– Я ждал. Мы все ждали. Ты не могла просто исчезнуть.

– И всё же исчезла, Рубер. Тогда всё обернулось против меня. Но я очень рада тебя видеть!

Визитёр не ответил. Он молча разглядывал госпожу Данорию, точно пытаясь обнаружить в ней какие-то прежде неизвестные черты. Спустя время, мужчина опомнился:

– Твой слуга сказал, что меня ожидает Данория Палле...

– Тебе не нравится это имя?

– Первое было лучше.

– Мне пришлось пересечь всю Тарию с юга на север. Под именем госпожи Данории путешествовать безопаснее.

– Нынче непростые времена. Как говорили древние бескарийцы...

¹ Грашник пустынный – растение из семейства Бобовые, произрастающее в пустынной части Красноземелья.

Госпожа Данория грустно усмехнулась:

– Никаких бескарийцев не было! Ты сам их выдумал.

– Зато теперь я знаю, кому приписать собственную мудрость.

– Хвастун! – она вздохнула и тотчас погрузилась. – Я еду в Миравию. Говорят, они там.

Ты что-нибудь знаешь?

– Они в Лакове. По крайней мере, собирались там обосноваться.

– Значит, ты его видел.

– Я видел обоих.

Данория содрогнулась, будто пронзённая крошечной молнией:

– Какая она? Мне столько о ней рассказывали, но я хочу знать как можно больше.

Мужчина задумался:

– Она умная и храбрая. Принципиальная, как и ты. Честная, справедливая и любознательная. Сейчас она только изучает этот мир, но когда-нибудь, я уверен, сможет его изменить.

Данория старалась моргать как можно реже, но так и не сумела сдержать слёз, которые тотчас побежали по щекам прохладными ручейками:

– Она необыкновенная, верно?

– В ней заключена огромная сила, госпожа Данория Палле. Тебе ли не знать?!

– Я жила одной надеждой, Рубер! Всё это время я ждала и верила, что когда-нибудь всё изменится, и вот, наконец, дождалась!

– Ты была советницей варийского короля? Это правда?

– Хочешь сказать, что кто угодно отдал бы полжизни за место, которое я заняла помимо своей воли?! Знаешь, Рубер, жизнь чудовищно несправедлива. У меня отняли единственное, что по-настоящему ценно, а взамен всучили жалкую подделку под названием «власть» и «богатство». Многие с радостью приняли бы такую судьбу, но не я! Я хотела только одного – вернуться домой.

– Должно быть, ты представляла своё возвращение иначе.

Женщина смахнула слёзы:

– Неважно, как я это представляла. Главное, что Лаков уже близко. Ты мне поможешь?

– Мы пойдём с тобой и найдём их, обещаю.

– Ты сказал «мы»?

– Со мной – Кот и... мидав.

– Странная компания.

– Странная во всех отношениях. С мидавом ты, наверное, уже знакома. Это Зебу, сын паргалиона Зегды. Что касается Кота... Постарайся ничему не удивляться.

Тем временем на тёмной лестнице, освещаемой лишь пробивавшимися из-под двери лучами, ожидали двое: огромный кот и невысокий пухленький мальчик. После неприятного казуса, едва не закончившегося их выдворением на улицу, оба старались вести себя как можно тише. Дело в том, что, выходя из комнаты, служанка нечаянно наступила Коту на хвост. Не привыкший к такому обращению Кот, истошно завопил и вцепился грубиянке в башмак. Ойкнув, та затрясла ногой, пытаясь сбросить животное на землю.

– Что вы себе позволяете, сударыня?! – отцепившись от башмака, Кот мягко спикировал на пол. – Все конфликты в цивилизованном обществе должны решаться путём мирных переговоров, без применения насилия.

Женщина смешно хлюпнула:

– Вы... Я... Ой, батюшки!

– Дора! – прошептал мальчик, до того хихикавший в сторонке.

– Что там такое?! – крикнул снизу трактирщик. – Не угодно ли вести себя потише?

– Я... я... иду... – подобрал юбку, женщина бросилась вниз по лестнице.

– Дора! – окликнул её мальчик. – Дора, это я, Зебу!

Служанка не отозвалась. Должно быть, уже убежала.

– Сиди тихо, друг мой собака! – одёрнул мальчика кот. – Не то нас вышвырнут отсюда.

– Я не собака! – огрызнулся его спутник. – И не говори мне, что делать!

– Мэтр Казлай будет сердиться. Нам было велено не привлекать внимания.

– Ты сам привлёк внимание, вредный комок шерсти! Нечего было заговаривать с Дорой!

Раньше она никогда не встречалась с говорящими котами.

– Это служанка, что жила у Никласа? Тогда она вдоволь насмотрелась на говорящих собак. Говорящий кот – это, по-моему, куда логичнее.

– Что здесь делает Дора? – пробормотал Зебу себе под нос.

– Сопровождает ту знатную даму, это же очевидно, – Кот облизнул лапку и пригладил взъерошенную шерсть. – Госпожа Данория Палле... Ты что-нибудь о ней слышал?

– Нет.

– Я так и думал. Это говорит о низком уровне твоего образования, друг мой собака.

– Хочешь сказать, что знаешь её?

– Разумеется, нет. Но качество *моего* образования сомнению не подлежит.

Дверь в комнату госпожи Данории приоткрылась, и мэтр Казлай с обычной поспешностью вышел на лестницу. Задержавшись на мгновение в проёме, он бросил невидимой собеседнице:

– Твоё счастье, что Эхо больше не спрашивает имён.

– Я отправлю Дору и Фили вперёд, – женщина его точно не слышала. – Большая свита привлекает лишнее внимание.

– Как тебе угодно, – отозвался мэтр Казлай.

– И уже обращаясь к Коту и Зебу, добавил:

– Пойдёмте, друзья мои. На рассвете мы выдвигаемся в путь. Вам стоит немного поспать.

Зелёное пёрышко

С виду это было обыкновенное пёрышко – маленькое, пушистое, цвета весенней листвы. Когда-то оно принадлежало одному из зелёных попугаев, каких не счесть в Красноземелье. В Ливарии и на тарийском юге эти птицы тоже не редкость, так что купить такое пёрышко на любой приличной ярмарке не составит труда.

Однако сейчас в руках у Селены была вовсе не безделица, как решил бы непосвящённый, а символ тайного общества, означавший, что её отца срочно вызывает к себе старый друг и учитель магистр Гастон.

Слуга магистра, добродушный парень по имени Карли, подтвердил девочкину догадку:

– Господину магистру нездоровится, вот он и велел скакать напрямик в Лаков, к мэтру Каригу.

– Гастон болен? – всполошилась Селенина тётя Вилла. – Степная лихорадка?

Новая болезнь была главной темой для разговоров уже три луны кряду. Единичные случаи этого недуга встречались в Миравии и прежде, но теперь болезнь отчего-то вышла из-под контроля. Сотни людей в городах и сёлах мучились от жара. У некоторых начинались судороги. Тем же, у кого открывалось кровотечение, доктора уже помочь не могли.

Король Витас даже издал указ, запрещающий проводить ежегодные ярмарки после сбора урожая, поскольку лекари заметили, что чаще болеют там, где собираются большие толпы, но по слухам толку от этого не было. Крестьяне надеялись продать излишки овощей и зерна. Купцы не желали терять прибыли, которые в пору ярмарок взлетали до небес. Ремесленники, трубадуры и бродячие артисты – все они слишком долго ждали так называемой «золотой поры», чтобы отказаться участвовать в главном событии года. Больных в связи с этим становилось всё больше, и госпитали уже не могли вместить всех страждущих.

В довершение случилось невиданное прежде несчастье – степной лихорадкой заболел сам четырнадцатилетний король Витас Первый. Селенин отец Никлас Кариг, вновь служивший лекарем при дворе, теперь уже миравийском, проводил возле больного сутки напролёт, пытаясь сбить жар, но состояние мальчика всё не улучшалось.

Селену во дворец не пускали, и девочке оставалось лишь дожидаться новостей под присмотром тётки. На время отсутствия Никласа Вилла забросила работу в лаборатории, так что теперь они коротали дни за игрой в шарики и чтением вслух. Селена любила свою молодую, красивую и смешную тётю, но сейчас ей ужасно хотелось увидеть Никласа. Ведь когда её отец вернётся домой, всё будет по-прежнему.

Услышав Виллин вопрос, Карли надулся, как шар. Его явно распирали противоречивые чувства: жалость к больному хозяину и гордость от того, что именно его, Карли, отправили в Лаков с поручением чрезвычайной важности.

– Господин магистр болен степной лихорадкой со среднего краснотуния, госпожа, – важно поведал он. – Если я не привезу господина мэтра... – он сглотнул, оборвав фразу на полуслове.

Вилла беспомощно взглянула на племянницу:

– Если Никлас не вернётся до вечера, я поеду вместо него.

– Господин магистр велел мне привезти господина мэтра, – пробормотал Карли.

– Если ему нужна помощь, то я буду рядом, – не сдавалась Вилла. – Что если Никлас пробудет во дворце ещё несколько дней?! Мы не можем так долго ждать!

Точно потешаясь над её словами, о мостовую застучали подковы. Спустя несколько мгновений, дверь скрипнула, и звонкий голос Никласа возвестил:

– Я дома! Селена! Вилла! Где вы?

– Никлас! – взвизгнула девочка, бросаясь навстречу. – К нам приехал Карли! Он привёз тебе пёрышко!

Отец вошёл в гостиную и швырнул шляпу на банкетку, распахивая объятия. За несколько дней отсутствия он необъяснимо изменился. Дело было не в отросшей рыжеватой щетине и не в тёмных кругах под глазами – свидетельстве нескольких бессонных ночей. Никласу и раньше доводилось проводить у больных несколько дней кряду, но никогда прежде Селена не видела его таким растерянным. Не усталость, а недоумение отпечаталось на отцовском лице, и это было непривычно, странно, пугающе.

– Ты голоден? – забеспокоилась Вилла. – Лиа! Подай обед господину Никласу!

Лопухая голова горничной Лии тотчас высунулась из-за двери, но Никлас устало махнул рукой:

– Не нужно, Лиа. Я заехал только попрощаться. Что за новости ты привёз, Карли?

Слуга сделал шаг вперёд и вытянулся как солдат, докладывающий обстановку на поле битвы:

– Господин магистр велел передать вам пёрышко. Ему нездоровится с прошлой луны.

Никлас насупился и поворошил волосы знакомым движением. Он делал так всякий раз, когда беспокоился или пытался что-то обдумать.

– Гастон болен степной лихорадкой?

– Да, господин. Когда я уезжал, ему было совсем скверно. Он велел мне скакать в Лаков и разыскать вас как можно скорее.

Никлас покосился на Виллу, однако та лишь беспомощно развела руками:

– Я хотела ехать, но Гастон зовёт тебя, а не меня.

– Я не могу, – лицо Никласа скривилось точно в судороге. – Королю стало хуже, сквелен уже не так эффективен как прежде. Нам нужно другое лекарство.

– Но ведь другого лекарства нет! – Селена едва не расплакалась. – Как теперь помочь Витасу?! То есть... – девочка покосилась на слугу, – его Величеству?

Никлас покачал головой:

– Сегодня утром из Гарцова прибыла доктор Иллария Амиди. В тамошней лаборатории давно ведётся разработка сыворотки от степной лихорадки. Через пару дней, когда я туда доберусь, лекарство будет готово. Я должен его привезти. Маршал Нордиг просил ехать незамедлительно.

– Почему эта Иллария Амиди не могла дожидаться в Гарцове и привезти сюда готовое лекарство? – задумалась Селена. – Зачем ей понадобилось уезжать раньше?

– Доктор Иллария – один из лучших врачей страны, – нехотя пояснил Никлас, хотя по его лицу было видно, что он полностью согласен с дочерью. – Долг врача – находиться у постели больного.

Это прозвучало высокопарно и, сказать по правде, глупо. Никлас и сам, конечно, почувствовал нелепость собственных слов – вздохнул и отвернулся, пряча взгляд.

– А как же Гастон?! – вспыхнула Вилла. – Кто будет дежурить у его постели?

– Ты поедешь к нему.

– Он звал тебя, Никлас!

– Он звал вас, мэтр! – неожиданно подал голос Карли.

Вилла насупилась:

– Ты ему нужен, Никлас Кариг! Гастон не стал бы присылать пёрышко просто так. Что если это твоя последняя возможность увидеть его?! Ведь он – твой самый близкий друг!

– Ты должен поехать! – поддержала тётю Селена. – Магистр Гастон ждёт.

– Король тоже ждёт! – обычно невозмутимый Никлас вдруг повысил голос. – Если лекарства не будет к концу белолуния, его не спасти!

– Разве королю есть дело до того, кто привезёт сыворотку? – задумалась Вилла. – Что если я поскачу в Гарцов и доставлю её?

– Ты? – кажется, такое простое решение не приходило Никласу в голову.

– Почему нет? Не вижу ничего сложного в том, чтобы перевезти несколько пузырьков из одного города в другой.

– А как же я? – испугалась Селена. – Вы оставите меня одну?

– Ты поедешь со мной, – махнула рукой Вилла.

– Ты останешься с Лией, – одновременно с ней заявил Никлас.

– Почему она не может поехать? – тётя всегда была на Селениной стороне.

– Повсюду лихорадка, Вилла! – Никлас снова говорил громче, чем следовало. – Ты же не хочешь, чтобы она заболела!

– Заболеть она может и здесь, – спорить с Виллой было непросто. – Зато там у нас будет сыворотка, а, значит, ехать, как ни крути, безопаснее.

Селена победоносно взглянула на отца, и тот сдался:

– Мы с Карли отправляемся немедленно. За королём присмотрит доктор Иллария. Вы должны выехать не позже завтрашнего утра.

Вилла улыбнулась:

– Не беспокойся. Через четыре дня король получит свою сыворотку. И передай Гастону, что я скоро его навещу.

Стихи и хризантемы

Если бы Селена могла выбирать цель путешествия, то, вместо ничем не примечательного Гарцова, она бы, конечно, отправилась в горы. Навестила бы мэтра Казлая, Кота и Зебу. Особенно Зебу. Шутка ли, целый год не видеть лучшего друга?! Хотя Зебу о ней наверняка забыл. Теперь у него есть Кот, который умеет пускать молнии. Селена вздохнула. Сказать по правде, она скучала не только по мидаву. Год назад с ней были Гараш, Риша и Хегван. Теперь каждый из них жил своей жизнью, в которой не было места прежней дружбе.

– Скучаешь по Никласу? – Вилла легко угадала её настроение.

Девочка покачала головой:

– Я бы хотела увидеть Зебу. Думаешь, у него всё хорошо?

Вилла взглянула через плечо на ехавшую следом служанку. Лиа нарочно держалась шагах в двадцати, чтобы не слушать хозяйских разговоров – стеснялась. Дело в том, что тётя хотела оставить её дома. И оставила бы, но Лиа уговорила взять её с собой. Опасаясь лихорадки, она старалась держаться поближе к хозяевам и оставаться в одиночестве категорически отказывалась. Лиана пегая кобылка не отличалась резвостью, и путешественницы теряли драгоценное время, отчего Вилла пребывала не в лучшем расположении духа.

– Зебу с Казлаем, – вздохнула она. – Значит, с ним всё в порядке.

– Мэтр Казлай – хороший человек, – согласилась Селена.

– Хороший он или плохой – не знаю. Каждый для кого-то хорош, а для кого-то плох. Скажу только, что Рубер Казлай – человек надёжный. Твоя мама доверяла ему, Никласу и Гастону. А больше – никому.

– А тебе? Разве тебе она не доверяла?

– Думаю, она считала меня ребёнком. Я и была ребёнком, если разобраться. Когда тебе пятнадцать мир кажется острее и ярче. Сильнее радость, но и обиды сильнее. Тогда я обижалась на Вилму за то, что она не посвящала меня в свои дела, а ведь она всего-навсего пыталась меня защитить.

– Я беспокоюсь за Витаса, – призналась Селена, понизив голос. – По-твоему, эта лихорадка действительно так опасна?

– Не всегда. Некоторые переносят её легко, другие болеют тяжело и долго как наш король.

– Но ведь он не умрёт, правда?

– Если мы будем плестись как больные черепахи, то лекарства он не дожждётся! Не нужно было слушать Лию!

Селена только вздохнула.

– Взгляни, какие хризантемы! – Вилла кивнула в сторону невзрачного домика из серого камня. Из-за низенького дощатого заборчика выглядывали пышные шапки белоснежных цветов. – Помнишь, у Веллании Таллис были такие строки: «Лишь ранней осенью цветы так трогательны и прекрасны. Их небывалые черты предвестники зимы ненастной».

– Я не люблю стихи! – пробурчала Селена. Цветы её сейчас не занимали. Нужно торопиться! Витас в опасности, и кроме них рассчитывать ему не на кого.

Вилла намеревалась что-то возразить, но не успела. Из каменного домика выскочил человек и бросился наперерез лошадям. Он был бос, из-под расстёгнутого жилета торчала окровавленная рубаха. Вилла натянула повод, разглядывая незнакомца. Тот, в свою очередь, замал руками, выдыхая слова:

– В город бы, госпожа! Мне бы до города!.. Лекаря позвать бы!..

– Что стряслось? – испугалась Вилла. – Вы ранены?

Мужчина затряс косматой головой:

– Не я, госпожа! Мне-то что оно станется?! Малому нынче совсем паршиво! Кровит! Боюсь, как бы не помер!

– У ребёнка степная лихорадка? – догадалась Вилла. – Мы пришлём врача. Далеко ли до ближайшего города?

– К закату доберётесь, госпожа.

– Если у больного кровотечение, до заката он вряд ли доживёт, – прошептала Вилла. Но Селена всё равно услышала.

Вилла легко спешила и отстегнула сумку о подпруги:

– Ведите! Я его осмотрю.

Селена хотела идти следом, но тётя остановила её взмахом руки:

– Жди меня здесь. Это не займёт много времени.

Вынужденная остановка пришлась по вкусу только Лииной кобылке, которая тотчас принялась ошипывать придорожный куст.

Привязав лошадей к старой растрескавшейся липе, Селена побрела вдоль забора. Кроме хризантем, которые привлекли внимание Виллы, в палисаднике отцветали разновеликие астры и невзрачные космеи – неизменные спутники лета. Сейчас, в разгар осени, их пожухлые соцветия терялись на фоне желтеющей листвы. Природа готовилась ко сну, и ей не было дела до людских бед.

– Краснопёрки хочешь? – крякнуло за спиной.

Подпрыгнув от неожиданности, Селена оглянулась. Босоногий мальчишка лет восьми протягивал ей кулёк с крошечной сушёной рыбёшкой. Девочка мотнула головой. Незнакомец ничуть не огорчился – закинул в рот рыбёшку и широко улыбнулся щербатой улыбкой:

– Не хочешь – как хочешь. Ты мидава видала?

Селена вздрогнула, сердце застучало в висках:

– Какого мидава?

Мальчик смешно растопырил руки:

– Почём я знаю, какого?! Какого-нибудь. Мидава ты когда-нибудь видала?

Вышло в рифму, и мальчишка довольно захохотал, припевая:

– Мидава видала? Видала ты мидава?

– Почему ты спрашиваешь? – не выдержала Селена.

– А потому, – подбоченился мальчик, – что я мидава видал. И батька видал. А батька мой... он врать не будет.

– Где же ты его видел? – прищурилась Селена.

До того дня, когда Зебу Зегда перешёл границу, мидавы в Миравии не появлялись. Не было их тут и сейчас – Зебу жил близ Аштарского ущелья, у Казлая, да и все его соплеменники остались в Тарии. Мальчишка шмыгнул носом и задумчиво пожевал рыбёшкин хвост:

– В лесу видал. Тута.

– Какой же он был из себя, мидав этот? – подначила его Селена.

– Известно какой: громадный. Башка с колесо. Весь серый, глаза чёрные...

– Придумал бы что-нибудь получше! – рассмеялась девочка. – Серых мидавов не бывает!

Это всем известно.

– Это тем известно, кто их не видал, – философски протянул мальчишка, дожёвывая рыбку. – А я видал. И батька мой...

– Ты живёшь в этом доме? – догадалась девочка. – Твой отец искал врача?

Мальчишка кивнул:

– Меня Фьорком звать. Малой у нас заболел, того и гляди помрёт. Я нынче был за старшего. Батька-то из города только поутру воротился. Братец у меня там, в городе. И две сестрицы. Ильзия – которая средняя – ничего себе человек. А старшая, Маруша, промеж нами говоря, дура душой. Ейный мужик там рыбную лавку держит. Вот погляди: краснопёрки при-

слал. Это навряд как гостинец. Мог бы и пряников купить или там леденцов, да что с него возьмёшь?! Дурак он и есть. Разве ж кто в своём уме нашу Марушку сосватал бы?!

Побоявшись, что ей придётся заочно познакомиться со всеми родственниками Фьорка, Селена решила сменить тему:

– Говоришь, твой отец тоже видел этого мидава?

– И никакого не этого! – возмутился мальчик. – Другого видал!

– Такого же серого?

– Вот ты мне не веришь, а зря! Не серого, а рыжего. Дорогой встретил. Ты послушай, как дело было, а уж потом смеяться будешь. Батка мой ехал из Туспена. На возу ехал. У него там товар. Акромя рыбы ещё сапоги, кадушки... ну, да я не о том. Ехал он себе, ехал... Вечерело. Видит: впереди двое скачут. И лошадь в поводу. Опося пригляделся – не лошадь, а пони. Для лошади мелковата. Ну, скачут и скачут, ему до того дела нет, а только у городской стены он их всё ж нагнал. Стоят себе, лясы точат. Он бы так мимо и проехал, а только знаешь что?

– Что? – прошептала Селена, копируя восторженный тон мальчика.

– А то, что пони с ними не было.

– И что с того? Может, они её где-то оставили.

– Оставили, говоришь? – Фьорк расплылся в улыбке. – Уж не знаю, кого они там оставили, а только вместо пони стоял с ними мальчишка чуть меня постарше. Сама посудите: мужик и баба едут верхом, а малой с ними пешкодралом топают. Где такое видано, спрашивается? Выходит, никакой это был не ребёнок, а самый настоящий мидав.

Селена едва не закричала от радости, но всё же сумела взять себя в руки:

– Какой он был, этот мальчик? Твой отец его запомнил?

– Какой – какой? Никакой. Обыкновенный мальчишка: светленький, плотный. Да какая разница, когда этот мальчишка и не мальчишка вовсе?! Мидавы, они могут в человека превращаться, когда пожелают. В любого. Хошь в меня, хошь в тебя. Им это запросто.

Селена скривилась. В отличие от неё, Фьорк явно не знал о мидавах почти ничего. Эти удивительные существа ни в кого не превращаются. Они просто умеют создавать слуховые и зрительные иллюзии, транслируя в пространство звук и изображение. Что касается последнего, то оно у каждого своё, и светленький плотный мальчик мог быть только Зебу.

Зебу! Неужели она скоро его увидит?! Нет, это невозможно. Если мужчина – Казлай, то что за женщина ехала с ним?

– Батка говорит: у мужика ещё кошак был, – вспомнил Фьорк. – Здоровенный такой котище, усы враслопырку...

Выходит, всё верно. Путники – это Казлай, Зебу и Кот. Но куда и зачем они едут?

Чтобы не выдать волнения, Селена заметила будничным тоном:

– Твоему отцу должно быть показалось. В Миравии нет мидавов.

Обидевшись, мальчик проглотил очередную рыбку и пошёл к дому, но, не дойдя до конца изгороди, вдруг остановился:

– Твоя мамка что ль колдунья?

Селена непонимающе уставилась на него.

– Мамка твоя, – терпеливо пояснил Фьорк, – та, что малого лечит. Она колдунья?

– С чего ты взял, что Вилла – моя мама? – удивилась девочка.

– Похожи вы сильно. Прямо одно лицо. Кто она тебе, как не мамка? Может сестра?

Вот ещё глупости! Её тётя – красавца, а она, Селена, – обыкновенная, каких не счесть. Девочка уже собиралась сообщить об этом Фьорку, но не успела – на крыльце показалась Вилла. Едва она переступила порог, в доме глухо завывали, срывающийся голос рывкнул:

– Ведьма!

Вилла сбегала с крыльца, махнула рукой Селене и, не обнаружив поблизости служанки, сердито крикнула:

– Лиа! Мы уезжаем!

Её лицо не выражало никаких чувств, только уголки рта легонько подрагивали. Позабыв о мальчишке, Селена бросилась отвязывать лошадей. Мгновение спустя прибежала испуганная Лиа.

– Едем! – повторила тётя, вскочив в седло. – Мы потеряли много времени.

В доме по-прежнему голосили.

Проезжая мимо Фьорка, Селена помахала рукой. В ответ мальчишка скорчил отвратительную рожу.

Некоторое время путешественницы ехали молча. Лиа по обыкновению плелась в хвосте, а Селена изо всех сил старалась не отставать от тётя.

Вилла плакала, но как-то удивительно тихо, без всхлипываний. Её лицо покраснело, и блестящие ручейки стекали по щекам за воротник. Добрая и ранимая в душе, Вилла всегда скрывала свои чувства от посторонних. Только теперь, когда никто, кроме племянницы, её не видел, она позволила себе ненадолго расслабиться, сбросить маску хладнокровия и стать собой настоящей. Селена попыталась её утешить:

– Ты не виновата. Никто не смог бы ему помочь.

– Теперь они меня ненавидят! – выдохнула Вилла.

– Не думай об этом. Скоро мы привезём сыворотку и для Витаса, и для других. Тот мальчик, Фьорк, сказал, что его отец видел мидава. Я думаю, это Зебу. Если они с мэтром Казлаем идут в Лаков, то мы скоро встретимся.

Вилла улыбнулась одними губами:

– Хотелось бы верить. Сейчас нам так нужны хорошие новости!

Следующий день начался, однако, с новостей скверных. Когда накануне путешественницы въехали в городок Литван, близилась полночь. В затрапезной придорожной гостинице им удалось заполучить лишь комнату над лестницей, но уставшие с дороги они были рады и этому. Сославшись на недомогание, Вилла отправилась спать, а Лиа с Селеной попытались поужинать, что, как выяснилось, было совсем не просто.

– Жаркое съедено, – сообщила маленькая краснолицая хозяйка, вытирая обветренные руки о передник. – Если желаете, могу подать уху из краснопёрки.

Селена поморщилась. Краснопёрка нынче была повсюду. Летом её ловили и заготавливали впрок – сушили, солили, вялили, чтобы в разгар осени продавать на ярмарках. Сушёная краснопёрка употреблялась не только как самостоятельное блюдо, но и в качестве основы для супа. Бедняки любили костлявую рыбёшку за дешевизну, а богатые горожане, не говоря уже об аристократах, брезговали ею, предпочитая более изысканные кушанья.

Выбор, впрочем, был невелик.

– Мы будем уху, – заявила девочка к удивлению хозяйки. – Только прошу вас, подайте побольше хлеба.

Утром выяснилось, что у Виллы жар. Сначала она попыталась скрыть это от спутниц и, отказавшись от завтрака, ушла в комнату собираться, но, когда настало время отъезда, всё, наконец, открылось. Из-за внезапного приступа слабости Вилле пришлось лечь в постель, встать с которой она в тот день уже не смогла. Лиа беспомощно суетилась вокруг, пока хозяйка не отправила её собирать кору крамса² с лубом. Когда служанка, успокоенная возможностью быть полезной, наконец, убежала, тётя подозвала Селену.

– Это степная лихорадка, – начала она без предисловий. – Вряд ли я смогу ехать верхом в ближайшее время, а, если и смогу, толку от меня будет немного.

² Крамс – древовидное растение семейства Рипиевые, распространённое в равнинных районах Миравии и в южных регионах Забелогорья. Используется для получения сквелена, вещества, известного выраженными противовоспалительным и жаропонижающим свойствами.

– Что же делать? – испугалась девочка. – Я не оставлю тебя с Лией.

– Лиа поедет с тобой. Путешествовать в одиночку слишком опасно. Со мной всё будет хорошо. Я дам хозяйке инструкции, и она приготовит сквелен.

– Но, Вилла...

Тётя подняла руку, призывая её замолчать:

– Сыворотка нужна королю. А теперь – и мне тоже. Не теряй времени!

Она пошарила рукой под подушкой и вытащила оттуда свёрнутый листок:

– Это – дорожная грамота. В ней написано, что Никлас... то есть я... то есть теперь уже ты следуешь в Гарцов по поручению его Величества. Как только Лиа вернётся, вы должны ехать.

Селена кивнула. Она не собиралась оставлять больную тётю в одиночестве и знала, что станет делать.

Препоручив Виллу заботам краснолицей хозяйки, путешественницы выехали из гостиницы. Отдохнувшая Майла бежала бодрой рысью, Лиина же кобылка всё норовила отстать, а временами и вовсе останавливалась, артачась, как осёл.

Миновав городские ворота, Селена и Лиа, выбрались на широкий тракт. Тут девочка и рассчитывала претворить в жизнь давно созревший план. Когда-то они с Зебу любили бегать наперегонки. Майла почти всегда уступала мидаву в скорости, но обогнать Лиину клячу для неё было проще простого.

Сначала Селена нарочно выехала вперёд. Привыкшая тащиться в хвосте Лиа, ничего не заподозрила. Разорвав дистанцию настолько, насколько это было возможно, девочка пришпорила лошадь.

– Куда же вы? – завопила служанка, пускаясь следом.

– Возвращайся в гостиницу! – крикнула Селена, не оборачиваясь. – Присмотри за Виллой!

Она скакала во весь дух, и вскоре, обнаружила, что Лиа давно скрылась из виду. На мгновение девочка загрустила – путешествовать одной и впрямь опасно – но вскоре успокоилась. Гарцов не так далеко. Если Майла не подведёт, к ночи ей удастся добраться до университетской лаборатории, и, возможно, возвращаться в Лаков в одиночку не придётся.

Старый друг

К полудню Селена добралась до городка Шерпена, примечательного, в первую очередь своим расположением. Всё оттого, что лежал он на знаменитой Фарисовой дороге, по которой можно было за день доехать до третьего по величине города – Гарцова. К югу от Шерпена раскинулись густые изумрудные леса с россыпью деревушек, с запада подступало море. И, хотя собственного порта у города не было, прибрежные сёла снабжали его всем, чем богата большая вода.

Благодаря местоположению, Шерпен стал центром торговли. В дни проведения крупных ярмарок его тесные улицы едва вмещали нескончаемый поток людей и обозов. Гостиницы и постоянные дворы получали прибыль, сопоставимую с годовой выручкой, а жители веселились от рассвета до заката.

Впрочем, нет. Жизнь в городе не останавливалась даже с наступлением темноты. По вечерам на смену торговцам приходили артисты, музыканты и шарлатаны всех мастей. Прибывший на ярмарку народ хотел не только продавать, но и развлекаться, и увеселений здесь было сколько угодно.

Раньше Селене доводилось слышать о шумных ярмарках Шерпена, однако возможность увидеть действо воочию представилась впервые. Самым удивительным было то, что торговля шла не только на центральной площади. На каждой улице, в каждом переулке громоздились лотки и палатки, да так кучно, что протолкаться мимо стоило немалых усилий. Сказать по правде, даже в Лакове ей нечасто доводилось видеть столько людей одновременно. А все потому, что праздник Урожая был для миравийцев важнее Дня Коронации и Дня Большого Безветрия вместе взятых. Несмотря на запреты, сейчас они стекались в города и погружались в ярмарочную суету, подобно тому, как призванные половодьем ручьи впадают по весне в большую реку.

Продавцы расхваливали свой товар, перебивая друг друга. Порой доходило до перебранки, а то и до рукоприкладства. На одной из улочек Селена наблюдала стычку торговцев кружевом, не поделивших кошелек зажиточной горожанки, а, проезжая мимо старой ратуши, видела, как лоточницы в одинаковых передниках таскают друг друга за волосы, отстаивая право стоять ближе к проезду.

Несмотря на конфликты, все они выглядели довольными. Похоже, ссоры и драки были лишь частью привычного ритуала под названием «ярмарка», и никто из прибывших сюда не сомневался, что уж его-то расчудесный товар непременно найдёт покупателя.

Вскоре Селена оказалась там, куда стремился весь торговый люд – на центральной площади. Передвигаться тут выходило с трудом. Несмотря на то, что никакого официального запрета на проезд верхом в городе не было, большинство продавцов и покупателей перемещались на своих двоих. Так выходило и быстрее, и удобнее.

Никто не собирался уступать дорогу всаднице, и Селене пришлось терпеливо шагать в толпе.

Только увидев кренделя, карамель и пряники, которыми бойко торговали на площади, она вспомнила, что ничего не ела с самого утра. Увы, к лоточникам было не подобраться – толпа здесь роилась так густо, что проталкиваться сквозь неё пришлось бы целую вечность. Какой-то мальчишка с ожерельем из сушёной краснопёрки вынырнул из-под лошадиного брюха:

– Рыбки не изволите?

Селена наелась рыбы на две жизни вперёд, но всё же бросила ему медячок:

– Отсыпь, пожалуй!

Ловко отщипнув несколько рыбёшек, мальчик сунул их всаднице и вновь исчез. Селена зашагала дальше, жуя краснопёрку. Если разобраться, рыбка была не такой уж противной – солёенькая, с лёгким огуречным запахом. Не зря же бедняки заготавливают её на зиму в огромном количестве но, как говорят, съедают уже к концу осени.

Селена ехала через площадь, разглядывая толпу. Как ни странно, кроме простых миривийских крестьян и горожан, тут было немало красноземельцев, выделявшихся смуглой кожей и богато расшитыми балахонами. Кочевники амату встречались куда реже, но всякий раз, когда кто-то из них проходил мимо, он вёл за собой прекрасную нарядно убранную лошадь.

Тяжеловозы амату ценятся за неприхотливость, силу и, конечно, редкую красоту. Тот, кто хоть раз видел, как запряжённая великолепными рыже-пегими конями повозка мчится по дороге, поднимая пыль, вряд ли когда-нибудь сможет это забыть. Недаром даже стребийская королева ездит в карете, запряжённой шестёркой тяжеловозов амату.

Интересно, где сейчас Хегван? Как знать, может быть, и он разводит лошадей, как все его соплеменники. Ходит в штанах и жилете из грубой бычьей кожи и носит хлыст за поясом. Приезжает на ярмарки вроде этой, чтобы дорого продать жеребят, а летом пасёт огромное стадо где-то в холодных степях Забелогорья.

Селена часто вспоминала друзей. Неужели они больше никогда не встретятся, не отправятся в какое-нибудь глупое и рискованное путешествие, не станут болтать дорогой о разных пустяках, которые так приятно вспоминать, спустя время? Гараш и Риша теперь служат в армии, Лайды давно нет в живых, а Зебу... где он сейчас? Вот бы он был где-нибудь поблизости.

Что-то ударило в бок лошади. Майла шарахнулась, Селена натянула поводья, пытаясь её удержать, и вдруг разглядела торговца сушёной краснопёркой, пробиравшегося сквозь толпу. Его преследовал невысокий пухленький мальчик с огромным котом на плечах. Зебу! До преследуемого оставалось не больше пяти шагов, но расстояние не сокращалось – мешали люди, непрерывно шедшие навстречу.

– Стой, негодяй! – крикнул Зебу. – Верни кошель, мерзавец!

Мальчишка бросил на него взгляд через плечо и, ловко обогнув какую-то грузную даму, попытался перескочить через воз на трёх колёсах, привалившийся к водостоку. Не вышло. То, что произошло дальше, непосвящённому показалось бы удивительным. Мальчик с котом легко оттолкнулся от мостовой и, подпрыгнув, перелетел через мужчину в широкополой шляпе. Приземляясь, он сбил удиравшего торговца с ног, вцепился в его воротник зубами и принялся трепать за шиворот. Кот всё это время держался лапками за его загривок и смешно тряс уса-той головой. Движение остановилось. Люди, которые были поближе, глазели на диковинку, а те, кому не хватало обзора, приподнимались на цыпочки, выглядывая из-за спин впереди стоящих.

– Верни кошель! – потребовал Зебу, уронив голову мальчишки на мостовую.

Послушно поднявшись, тот протянул мошну.

– То-то! – мидав поднялся, отряхиваясь. Толпа вокруг него почтительно расступилась.

– Зебу! – Селена замахала руками, пытаясь привлечь внимание друга. И мидав её заметил – махнул в ответ. Кот на его плече прищурился, пошевелив хвостом – опahalом.

Когда друзья выбрались из переулка, подальше от любопытных глаз, девочка смогла, наконец, обнять друга.

– Не думал, что встречу тебя здесь, – хмыкнул Зебу. – Мы с Котом сопровождаем мэтра Казлая и советницу варийского короля, а этот подлец стащил у меня кошель.

– Кажется, нам не по пути. Я еду в Гарцов, – Селена поправила краешек дорожной грамоты, высунувшийся из рукава, – за сывороткой для короля и Виллы.

– Хорошо, что коты не болеют этой вашей лихорадкой, – Кот уютно устроился у Зебу на загривке. – Я слышал, от неё выпадает шерсть...

Селене ужасно хотелось поболтать с друзьями, но сейчас было не до разговоров.

– Мне пора, – засуетилась она. – Передайте привет мэтру Казлаю. Надеюсь, мы скоро встретимся.

Кот лениво махнул хвостом. В ореховых глазах мидава сверкнула тревога.

– Ты едешь одна?

– Вилла заболела. Ей пришлось остаться в гостинице.

– Но это опасно!

Кот закатил глаза. Селена только отмахнулась:

– У меня нет выбора. Лекарство нужно привезти как можно скорее!

– Сейчас вернутся мэтр Казлай и госпожа Данория, – Зебу беспомощно огляделся. – Они тебе помогут.

Девочка покачала головой:

– Я и так потеряла много времени. Нужно спешить!

– Я не отпущу тебя одну! – пробурчал мидав.

– До скорой встречи! – помахав друзьям, Селена пришпорила лошадь.

Вскоре Зебу догнал её и побрёл рядом. Кота с ним не было.

– Мы поссорились, – ответил мидав на её немой вопрос. – Кот будет ждать мэтра Казлая, чтобы рассказать, куда я подевался. А я пойду с тобой.

– Но зачем, Зебу?

– Потому что я никогда тебя не брошу. Помнишь?

– Помню. Спасибо тебе. Жаль, что с Котом так вышло...

– Брось! – отмахнулся мидав. – Мы и так ссоримся по сто раз на дню. Этот вредный комок шерсти лучше всех знает, как меня вывести, и всё же он – мой лучший друг.

Девочка осторожно покосилась на мидва. Перехватив её взгляд, тот лукаво усмехнулся:

– После тебя, Селена. Конечно, после тебя.

Если бы кто-то спросил у Кота (а его, разумеется, никто не спрашивал), нравится ли ему госпожа Данория, он вряд ли смог бы ответить вразумительно. Потому что вопрос был непростой. И неоднозначный.

Если, к примеру, говорить о внешности, то тут уж не придаться, даже если захочешь. Данория Палле (или как её там?), несмотря на возраст, была, пожалуй, хорошенькой. Хотя, нет. «Хорошенькая» – это когда носик кнопочкой, губки бантиком и глазищи как у совы. Красота госпожи Данории была иного свойства: глаза – лисьи, но не жёлтые, а дымчато-серые, нос – орлиный, талия – осиная, рост не меньше, чем у мэтра Казлая, а походка такая, будто она по воздуху летит, а не ногами по земле топает. Одним словом – королева.

Ещё у госпожи Данории был чудесный голос. Не высокий, не низкий, а какой-то приятно-мяукающий. Когда поблизости никого не было (Кот, само собой, не считается), она тихонько напевала незнакомую песенку. Что-то вроде колыбельной, только не на тарийском. В совершенстве владевший тремя языками Кот, как ни старался, не мог разобрать ни слова. Это ему тоже отчего-то нравилось.

Вдобавок ко всему, госпожа Данория умела рисовать по памяти карту звёздного неба. Кот нарочно проверял – всё сходится. Во время недолгих остановок она рассказывала о разных небесных светилах, да так, словно побывала на каждом. И не единожды. Всё это было забавно. Хотя и не очень. Потому что, когда речь заходила о двоелунии, госпожа Данория всегда начала сердиться. Не то на мэтра Казлая, не то просто так. Кто её разберёт?! «Ты ошибаешься, Рубер! – она била рукой воздух, будто тот чем-то провинился. – Нужно было учесть поправку на три сотых! С учётом погрешности ты не досчитался восьми лун».

Мэтр Казлай только вздыхал, что было на него совсем не похоже.

Чтобы разрядить обстановку, Кот забирался к госпоже Данории на колени, и она никогда его не прогоняла. Ясное дело: ни одна женщина кота с колен не прогонит, что она сумасшед-

шая, в самом деле?! Наоборот, госпожа Данория тут же начинала скрести его ноготками за ушком и, конечно, успокаивалась. А Кот-то именно этого и добивался. В глубине души он не любил ссоры. Нет, поставить на место зарвавшегося мидава было, конечно, приятно, но чтобы спорить до хрипоты – увольте, ни к чему это.

А вот что Коту в госпоже Данории не нравилось, так это её настроение. Люди к таким вещам нечувствительны. Они вообще ничего вокруг не замечают, пусть хоть мышь на голове танцует. А коты всегда чувствуют, что у других на душе. Так вот, у госпожи Данории на душе была печаль. Но не давняя и тяжёлая, как у мэтра Казлая, а свеженькая такая печаль пополам с надеждой. И это, честно говоря, раздражало.

Хотя то, что госпожа Данория всегда называла Кота «мой милый», раздражало ещё больше. Однажды в целях обеспечения личного суверенитета³ он даже совершил поступок, за который в приличном обществе молоком не угощают, – цапнул даму за палец. Думал: «На тебе, получай! Будешь знать, какой я милый!» И что толку, спрашивается? Госпожа Данория и не подумала обижаться. Палец убрала и опять о чём-то загрустила. Лучше бы уж сюсюкала, в самом деле!

Дождаясь мэтра Казлая и госпожу Данорию, Кот немного волновался. Это он только с виду был невозмутим – с ленцой прикрывал и открывал глаза, будто ничто на свете его не заботит. На самом деле, получить нагоняй не хотелось. А ведь было за что.

Вернувшийся хозяин сначала не заметил отсутствия мидава. Он вообще был каким-то рассеянным в последнее время. Зато госпожа Данория сразу почувствовала неладное.

– Где же Зебу? – она огляделась, высматривая мальчика в толпе. – Пора в дорогу. Где он ходит?

– Мидав ушёл, – Кот старался говорить равнодушно. – Просто взял и удрал. Оставил меня, своего друга и учителя. Меня, того, кто привил ему хорошие манеры, кто научил его...

– Что значит «ушёл»? – вспыхнул мэтр Казлай. – Куда он мог уйти? Что ты мелешь?

– Вот так и ушёл, – обиделся Кот. – Я был ему другом и учителем, но никак не сторожем, господа. Мидав повстречал девчонку и, как обычно, бросился ей на выручку.

– Девчонку? – переспросил Казлай. От него повеяло беспокойством.

Кот закатил глаза:

– Девчонку, мэтр. Селену Кариг.

Такого эффекта он даже не мог вообразить. Надежда госпожи Данории вдруг вырвалась из заточения и брызнула слезами. Коту сделалось неуютно.

– Где она? – женщина схватила его в охапку и неожиданно легко оторвала от земли. – Где Селена, Кот?

Впервые не «мой милый». Это уж и впрямь невероятно!

– Ну, – задумался Кот, – они пошли через площадь...

– Давно? – опомнился Казлай.

– Пожалуй. Я насчитал триста восемьдесят семь голубей, пока ждал вас.

– Рубер, где наши лошади? – казалось, госпожа Данория вот-вот грохнется в обморок. – Мы должны их догнать! Пожалуйста, Рубер!

– Я приведу их, – мэтр Казлай удалился, а она всё сжимала Кота в объятиях и что-то бормотала под нос.

Он попытался высвободиться – не вышло. Даже когда мэтр Казлай вернулся с лошадьми, госпожа Данория Кота не выпустила – посадила за луку седла. Он, впрочем, не возражал. Теперь, когда её печаль улетучилась, находиться рядом было почти комфортно.

Забегая вперёд, следует признаться, что Селену и Зебу они так и не догнали. Сначала проталкивались по городу мимо лоточников, балаганов, жонглёров и всякой ярмарочной чепухи.

³ Суверенитет – независимость государства.

Потом выбрались на тракт, но и здесь было не счесть повозок и всадников. Десятки копыт поднимали над дорогой песчаные облака. Госпожа Данория всё вертела головой, но тщетно. Мидава и девочки нигде не было. Надежда, вспыхнувшая так ярко, потускнела и почти погасла. На её место вновь поползла серая печаль. Пожалев госпожу Данорию, Кот сообщил важное:

– Девчонка скачет за лекарством для короля.

Казлай и Данория переглянулись.

– Значит, они едут в Ристон, – уверенно сказала женщина. – И мы их догоним.

– Они едут в университет к Гастону, – согласился мэтр Казлай. – Если где-то и сделали сыворотку, то только там.

Кот ничего не сказал. Он снова был выше человеческой суеты.

Благородный разбойник

Тем временем по Шёлковой дороге, что вела из тарийской столицы к загородным дворцам знати, скользила неприметная карета, запряжённая парой гнедых. На дверях не было ни гербов, ни вензелей, только похожие на большие шахматные доски квадраты, с перламутровыми вставками вместо белых полей и с агатовыми – вместо чёрных.

Справа и слева от кареты колонной по трое вышагивали рослые молодцы, все как один угольно-чёрными волосами. Лошади бежали рысью, и мужчины двигались с той же скоростью, явно не испытывая ни малейшей усталости.

В карете, облокотившись на обтянутые ливарийским шёлком подушки, сидели друг напротив друга худой мужчина лет пятидесяти с пустыми бесцветными глазами и маленькая светловолосая девочка. На малышке было васильковое платье из тончайшего сукна и короткая накидка, подбитая соболем. В белокурых волосах сверкала витая сапфировая диадема.

Отодвинув занавеску длинными костлявыми пальцами, мужчина выглянул в окно и одобритительно кивнул – свита маршировала как на параде. Его спутница вздохнула, демонстративно уставившись в потолок:

– Мне скучно, господин Шамшан. Кажется, эта дорога никогда не кончится!

Мужчина отвлекся от созерцания свиты и небрежно пожал плечами:

– Вы должны титуловать меня «ваше Величество», сударыня. А я, если угодно, буду называть вас Лайдой.

–... принцессой Лайдой, – девочка лениво скользнула по нему взглядом и принялась следить за мухой, ползавшей по потолку.

Муха вела себя безобразно: то норовила сесть на нос её Высочеству, то, как сейчас, уползала туда, где до неё было никак не дотянуться.

– Просто Лайдой, – зевнул Шамшан, вытянув длинные ноги. – Вы давно не принцесса, сударыня. Ваша династия низложена, и моё покровительство – лучшее, на что вы можете рассчитывать.

Лайда потеснилась. Ноги его Величества занимали слишком много места, и сидеть было неудобно.

– Почему же вы... – она искала слова, – ... оказываете мне покровительство. Ведь я дочь бывшего короля.

Шамшан выдавил сухое «хе-хе», означавшее что-то вроде сдерживаемого смеха:

– Видите ли, сударыня, живая вы куда полезнее, чем мёртвая. К чему мне вас убивать?

Девочка заёрзала на подушках. Каким-то непостижимым образом они оказались слишком жёсткими и слишком мягкими одновременно. Наблюдая за её страданиями, Шамшан едва заметно усмехнулся:

– Не беспокойтесь, я не строю никаких матримониальных планов...

– Матри... – Лайда запнулась – ... мотриривальных?

Мужчина хмыкнул:

– Можно сказать и так. Проще говоря, я не намерен устраивать ваше замужество. В отличие от королевы Клибеллы.

– Тётя собиралась выдать меня замуж?

– Для вас это новость? Хотя чему я удивляюсь? Вы ведь не знакомы с её Величеством. Её план по захвату мира был так по-женски очарователен, что мне было даже немного обидно слышать треск, с которым он провалился.

– План по захвату мира? – Лайда, наконец, перестала ёрзать, устроившись более-менее удобно. – Я вас не понимаю, господин... ваше Величество.

– Желаете знать всё? Извольте. Когда при содействии королевы Клибеллы я устранил последнее препятствие на пути к трону...

– То есть, убили моего отца...

Шамшан поморщился:

– Я бы не стал называть это убийством. Убийства происходят в портах и кабаках, в переулках квартала Крыс, иногда и в домах богатых горожан, но в королевских дворцах – никогда. Если сильный, устраняет досадную помеху в лице слабого, то это не убийство. Это борьба за власть. Когда лев охотится на антилопу, вы не называете его убийцей?

– Нет. Но мой отец был человеком!

– Как и ваша матушка, ваши сёстры, гвардейцы, горничные, даже доктор... Я готов скорбеть о каждом из них, но, увы... Лев не может пощадить антилопу из жалости. Это извечный закон жизни, сударыня. Сильный поедает слабых.

– Выходит, мой отец был слабым?

– Несомненно. А слабость – единственный недостаток, который не дозволено иметь королю.

– А как же Тумай? Он тоже был слабым?

– О, нет! В каком-то смысле я им восхищался. Тумай был из тех, у кого всё и всегда получается. Обласканный славой отпрыск древнего рода! Человек, перед которым весь народ склоняется в подобострастном⁴ поклоне. Нет, он не был антилопой, но знаете, сударыня, львы убивают не только травоядных.

– И что потом? Что случилось после того, как вы... устранили препятствие?

Шамшан потянулся, его суставы хрустнули:

– Знаете, что было нужно королеве Клибелле? Какую плату она хотела получить за свою помощь?

Лайда помогала головой, хотя ответ был давно известен.

– Ей нужны были вы, сударыня.

– Зачем же?

Тонкие губы Шамшана вытянулись в подобие улыбки:

– Её Величество мнит себя великим стратегом. В действительности, всё, на что она способна, это мелкие интриги, с которыми справилась бы любая камеристка⁵. Вообразите: королева решила взять вас на воспитание, чтобы в будущем устроить ваш брак с Витасом Первым. Странная идея, не так ли?

Девочка фыркнула:

– Мой брак с Витасом?! Вот ещё! Он же некрасивый! Я бы нипочём не согласилась выйти за него замуж! А если бы тётушка решилась настаивать, я бы объявила голодовку и умерла бы, честное слово!

Шамшан слушал её, подперев голову рукой и отрешённо кивая. Его лицо казалось серьёзным, смеялись только глаза, да и то не слишком убедительно.

– За минувший год я успел изучить ваши повадки, сударыня, – проговорил он, когда Лайда, наконец, успокоилась, – и теперь нисколько не сомневаюсь, что собственную жизнь вы цените куда выше всего прочего. Так что насчёт голодовки вы, пожалуй, погорячились.

Хуже всего, что самозванец был прав. Лайда ни за что не уморила бы себя голодом, как не сделала этого год назад, оказавшись в его власти.

Когда стребийская каравелла, которая должна была доставить её к тётушке, вышла из порта, девочка стояла на палубе, глядя на удалявшийся берег, и украдкой смахивала слёзы. В Стробию ей не хотелось.

⁴ Подобострастный – покорный, льстивый, раболепный.

⁵ Камеристка – комнатная служанка при госпоже.

Во-первых, она успела привыкнуть к королеве Соне и научилась ею манипулировать. Это оказалось проще простого. Её Величество была из тех, кто любит пушистых котят, клубничное мороженое и розовые пионы в фарфоровых вазах, а потому страдальческий взгляд голубых, как льдинки, глаз всегда действовал на неё должным образом.

Во-вторых, в Миравии Лайда по-прежнему сохраняла статус наследницы престола, пусть и опальной⁶, а в Стребии могла стать лишь племянницей королевы. Не очень-то завидная роль, если разобраться.

В-третьих, девочка ни разу за двенадцать лет не видела свою тётю. Вдруг королева Клибелла окажется ведьмой, злоущей, как тысяча ярг? А что? В сказках таких пруд пруди, кто сказал, что в жизни должно быть иначе?

Вот почему Лайда была уверена, что отплытие в Стребию не сулит ей ничего хорошего. Когда же появились тарийские галеры и принялись топить корабль, она до того перепугалась, что забилась в узкую щель между стеной и каким-то железным сундуком и сидела там до тех пор, пока не появился человек в остроносых башмаках. Это потом Лайда узнала, что на нём был лиловый плащ с красивой агатовой булавкой и широкополая шляпа по моде прошлых лет. Сперва же она увидела только башмаки.

– Вылезайте, сударыня, – сказал носитель башмаков, и Лайда тотчас узнала ядовито-вкрадчивый голос Шамшана. – Корабль вот-вот утонет, и, если в ваши планы не входит утонуть вместе с ним, извольте пройти в шлюпку. Вылезайте, я жду.

И принцесса покорно вылезла, став его пленницей.

Возвращаясь в Туф, она воображала, что сразу по приезде окажется в башне Мертвеца или, что ещё вернее, в дворцовом подземелье, но вышло иначе. Её действительно разместили во дворце, но не в темнице, а в гостевых покоях. Конечно, в прежние времена эти комнаты были для неё недостаточно хороши, но лучшей тюрьмы она не могла и представить.

У бывшей принцессы появилась собственная прислуга и вполне сносный гардероб. Если учесть, что ей не дозволялось выходить из гостевых покоев, имевшихся платьев с лихвой хватало. Кормили тоже неплохо. Иногда от Шамшана поступало приглашение отобедать в столовой, но чаще для неё накрывали стол прямо в комнате.

Со временем Лайда привыкла к новой жизни, и даже стала находить в своём положении некоторые преимущества.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но я не желаю вам зла, – сказал ей Шамшан во время одного из совместных обедов. – Вы гарантируете мою безопасность и благополучие. С моей стороны было бы чёрной неблагодарностью не ответить вам тем же.

– Я вас не понимаю, – отозвалась девочка. Она ела нежнейшую перепёлку, тушёную в ежевичном желе, и перепёлка занимала все её мысли. – Я гарантирую вашу безопасность? Что это значит?

Шамшан отложил вилку и промокнул губы белоснежной льняной салфеткой:

– Пока вы у меня в гостях, королева Клибелла не решится напасть на Тарию. Вы – её последняя надежда, и она не станет рисковать вами.

– Моя тётушка знает, что я у вас?

– Разумеется. Бывают козыри, которые стоит приберечь на потом, но есть и такие, о которых нужно объявить как можно раньше. Вы – мой главный козырь, сударыня.

Лайда не стала возражать. В сущности, тогда ей было всё равно.

Только сейчас, четырнадцать лун спустя, она вдруг осознала, что обладает над Шамшаном не меньшей властью, чем он над ней.

Было и ещё кое-что.

⁶ Опальный – находящийся в изгнании.

Когда гнев прошёл, девочка вдруг поняла главное: только королева Клибелла, та, при содействии которой, была убита её семья, поможет ей вернуть прежнее благополучие. Сейчас вероломная тётушка – её временный союзник, и неважно, что у Витаса смешной нос и рыжие волосы. Главное, он король. Если бы замысел Клибеллы осуществился, то уже через четыре, максимум пять лет, Лайда сумела бы занять место, которое было уготовано ей по праву рождения. Конечно, Миравия – маленькая страна, и личности Лайдиного масштаба будет в ней тесновато, но стать королевой всё-таки гораздо лучше, чем провести остаток жизни в плену у Шамшана.

Размечтавшись, девочка вздохнула и тотчас покосилась на своего омерзительного спутника (не заметил ли?), но тот дремал, запрокинув голову.

Если бы только Витас Первый был хоть чуточку посимпатичнее! К примеру, как Гараш. Честно говоря, Лайда всегда мысленно именовала сына Первого марсия только так, хотя ни за что в этом бы не призналась. «Дум Квестин Алекрос Мармиллион Вегар Тумай» звучит, конечно, хорошо, но «Гараш»... Было в этом имени, больше похожем на лошадиную кличку, что-то невозможно романтическое. Будто ветер свистит в степях Забелогорья. Положим, про ветер это Лайда придумала. В Забелогорье она никогда не бывала и, в сущности, не имела понятия, свистит там ветер или нет, но была уверена, что если и свистит, то только так и никак иначе.

В общем, если бы Витаса звали Гарашем, он бы от этого только выиграл. Лайда тихонько вздохнула, в очередной раз поправив подушку, вновь ставшую слишком мягкой. Витаса зовут Витасом, тут уж ничего не поделаешь. И глаза у него не карие, а зелёные. Или голубые? Да какая, в сущности, разница?!

Однажды Шамшан сказал кое-что, показавшееся Лайде необыкновенно важным:

– Люди – полезный ресурс, сударыня. Научитесь использовать их с умом, и вы сможете многого добиться.

Витас – ресурс не просто полезный, а прямо-таки бесценный! Добраться до него было бы сказочным везением.

Лайда скривилась от собственной глупости. Везения не бывает! Чтобы получить то, что хочешь, нужно постараться. Сначала использовать королеву Клибеллу, потом Витаса, потом... Домечтать она не успела.

Шамшан вдруг открыл глаза и рубанул воздух ладонью, с силой шлёпнув себя по ноге. Убитая муха беспомощно распласталась на ворсистой ткани.

Лайда открыла, было, рот, но промолчала. С Шамшаном лучше не ссориться. Вдруг он и её – как эту муху.

К счастью (или к сожалению, это как посмотреть), продолжать разговор не пришлось. На улице вдруг зашумели, и карета, покачнувшись, остановилась. Скорчив кислую мину, Шамшан отогнул занавеску, но тотчас отпрянул от окна. Стекло разлетелось, внутрь кареты брызнули осколки, осыпав Лайдино дорожное платье. Обхватив голову, Шамшан упал лицом в подушки. Девочка завизжала.

Снаружи шла борьба: кто-то пытался взять карету приступом, мидавы защищались.

– Выходите! – раздался звонкий юношеский голос. – Мы вас не тронем!

Что-то тяжёлое грохнуло в дверь кареты. Шамшан выпрямился и недобро хмыкнул – похоже, до последнего верил, что мидавы сумеют его защитить. Однако вышло иначе. Дверь вдруг распахнулась, двое молодчиков с замотанными лицами ворвались внутрь, и выволокли пассажиров из кареты. Всё это время Лайда не переставала визжать, и разбойник (кем же ещё могли быть нападавшие, если не разбойниками?) ткнул её кулаком в бок. Больно не было, но девочка булькнула и затихла. Злить разбойников не хотелось.

Выяснилось, что немалая толпа оттеснила мидавов от кареты, и, хотя охранники бросались в бой с присущей им яростью, отвоевать позиций они уже не могли.

– Ценности на землю! – крикнул разбойник, гарцевавший на сером жеребце.

Лицо его скрывал шарф, какие носят красноземельцы, с яркой росписью из полос и ромбов, а голос был совсем молодой, да и глаза с венчиком белёсых ресниц смотрели поверх платка с юношеским задором.

Шамшан скривился, неторопливо отстегнул от пояса кошель и бросил его под ноги.

– Ценности на землю! – повторил юноша.

Лайда не сразу сообразила, что разбойник обращается к ней. Только когда кто-то больно ткнул её в спину, девочка поспешно вытащила из волос диадему и осторожно положила её на землю, присев в увечном подобии реверанса. Разбойники захохотали. Двое мидавов едва не прорвались к карете, но путь им тотчас отрезали конные.

– Шубку на землю! – велел предводитель, явно потешаясь над Лайдой.

Девочка сняла накидку, но, вместо того, чтобы бережно положить рядом, швырнула её прямо под копыта лошади. Конь переступил с ноги на ногу, втаптывая драгоценный мех в дорожную грязь. Разбойник взглянул на неё сверху вниз, но в его взгляде не было угрозы. Лайде даже почудилось что-то вроде восхищения.

В это мгновение командир мидавов выкрикнул какой-то клич, и бойцы исчезли. Нападавшие завертели на месте, ища тех, кого только что атаковали, но черноволосые мужчины не появлялись. Вместо этого в воздухе начали вырисовываться контуры огромных собакообразных тел.

Воспользовавшись растерянностью потерявших преимущество разбойников, мидавы врезались в толпу. Раздался отвратительный хруст. Победоносные крики сменились воплями ужаса.

– Мидавы! – заорал кто-то. – Спасайся, кто может!

Тут-то Лайда и опомнилась. Будто кто-то шепнул ей на ухо: «Беги! Другого шанса не будет!»

Метнув последний взгляд туда, где мидавы терзали перепуганных людей, девочка подхватила платье и помчалась в сторону леса. Сзади застучали копыта. Кто-то из разбойников гнался за ней, и Лайда надеялась лишь на то, что успеет добраться до деревьев раньше, чем её схватят. Там, в лесу, пешему передвигаться легче, чем конному. Только бы успеть! Только бы не упасть!

Подумав так, Лайда вдруг наступила на платье и, конечно, упала лицом в скользкую влажную траву. Что-то перелетело через неё. Поднявшись на четвереньки, девочка увидела брюхо серого жеребца. Юноша в пёстром платке протянул ей руку:

– Прыгай, я тебя увезу!

Лайда оглянулась. Толпа заметно поредела. Некоторые из нападавших валялись вокруг кареты, другие – с криками бежали прочь. Один из мидавов вдруг повернул голову, и, заметив девочку, бросился к ней. Лайда охнула, взглянула на разбойника, после – на мидава. Юноша вновь окликнул её:

– Прыгай, не то пожалеешь!

Лайда вскочила на ноги и, вцепившись в его руку, неловко взобралась на лошадь. Мидав прыгнул, метя прямо в неё, но серый жеребец вдруг взвился и полетел по полю, унося разбойника и принцессу.

Заноза

Лайда зажмурилась и не открывала глаза, пока не перестала слышать за спиной шумное мидавье дыхание. Если не видеть опасности, то её, вроде, и нет. Будучи совсем ещё крохой, принцесса не раз проделывала этот трюк. Закроешь глаза – и всё исчезает: сердитое лицо гувернантки, злая собака, противный рисовый пудинг. Так переносить страдания куда легче.

Ехали долго. Пока конь скакал по ухабам, Лайда изо всех сил держалась за куртку разбойника, боясь упасть. Жёсткая, шероховатая ткань царапала изнеженные ладони, но это ещё полбеды.

Хуже другое – было страшно. Так страшно, как никогда не бывало прежде. Ведь Шамшан, Кассис, Рати Ривай – все, кого Лайда боялась прежде, были ей хорошо знакомы, а, значит, понятны. Чего ожидать от разбойника, девочка не знала, а потому не ждала ничего хорошего.

Можно было попытаться вообразить, что бандит окажется благородным юношей из обедневшей семьи. Что, узнав принцессу, он тотчас упадёт на колени и принесёт клятву верности, пообещает защитить её, во что бы то ни стало.

Можно было понадеяться, что это королева Клибелла послала своих слуг под личиной разбойников, чтобы те освободили её племянницу и доставили в Стребию.

Можно было мечтать, сколько душе угодно, но Лайда просто ехала с закрытыми глазами, ожидая неизбежного столкновения с реальностью.

Вдруг лошадь замедлила бег, и девочка приоткрыла глаза. Теперь они шли по лесу, петляя между деревьями.

Когда к привычному запаху прелой листвы примешался лёгкий аромат дыма, Лайда уже не сомневалась, что цель путешествия где-то рядом. Вскоре вдалеке замаячили люди, а дымный запах стал вполне очевидным да ещё дополнился благоуханием приготавливаемой на огне снеди. Теперь Лайда непрерывно держала глаза открытыми. Даже моргать старалась как можно реже, чтобы не упустить ничего интересного.

Когда путники приблизились к лагерю, из-за куста возник взъерошенный оборванец с клокастой чёрной бородой.

– Пароль! – потребовал он.

Лайдин спаситель махнул рукой.

– Пароль! – не отступал страж.

– Ты нешто ослеп, Головня? – звонко выкрикнул юноша. – Не видишь, с кем говоришь?!

– Тебя не увидишь, как же! – окрысился мужичонка. – А только велено паролю говорить – так говори!

– Мной и велено! – расхохотался молодой человек.

Чернобородый отвернулся, бормоча под нос что-то неразборчивое, а после вновь принялся за дело:

– Говори паролю или катись к медвежьей бабке! Мне тут с тобой цацкаться резону нет!

– Молодец, Головня! У тебя не забалуешь! – похвалил юноша, отсмеявшись. – Ну, держи свой пароль: «Вороны клюют мертвечину».

Головня закатил глаза:

– А вот на тебе – выкуси! Не тот пароль!

– Как так не тот?

– Говорю: не тот!

– Брешешь!

– А вот не брешу!

– Какой тогда?

– Не знаешь – так проваливай!

– Ух, ты ж, кровопийца! Ну, стало быть, другой. «Под ёлкой – волки». Нешто этот? Головня подбоченился:

– И никакой не этот, дырявая башка!

Рассердившись, юноша дёрнул коня за повод, тот переступил с ноги на ногу и обиженно зафыркал.

– Не помнишь, стало быть, паролю-то, – злорадно проскрипел Головня.

– Шёл бы ты лесом! – огрызнулся молодой человек, пуская коня в шаг.

– Точнёхонько, ваша милость, – картинно расшаркался Головня, уступая дорогу. – «Шёл бы ты лесом» – он самый и есть.

– Выпорю, – пообещал всадник, походя пнув его мыском сапога.

Разбойничий лагерь выглядел совсем не так, как представлялось принцессе. Во всяком случае, кольев с насаженными на них отрубленными головами тут не было, как не было ни захлёбывавшихся лаем собак, ни, скажем, бойцов на ножах, которые бы танцевали в центре огненного круга, угрожая вырезать друг другу печёнки. Словом, лагерь как лагерь. Обычное поселение.

По краям большой, поросшей вереском поляны стояло несколько хижин из прутьев и елового лапника. Под деревьями толкались привязанные лошади.

В самом центре пустоши тлел костёр, вокруг которого сгрудились местные обитатели, похожие на пастухов или бродячих торговцев. Лайда насчитала шестерых. Пахло чем-то съестным, но принцесса не сразу определила, чем именно. Всё прояснилось, когда разбойники принялись рыться в золе и с криками бросать друг другу потемневшие кругляшки. Печёная репа – привычная пища бедняков. Лайда невольно поморщилась.

– Чего морду кривишь? – бросил её провожатый, не оглядываясь.

– Откуда ты знаешь? – Лайда нарочно решила говорить ему «ты» – пускай не зазнаётся.

Юноша ловко спрыгнул с коня и протянул руки, помогая ей спуститься. А попросту говоря, подхватил за талию и поставил на землю.

– Затылком вижу. Посиди тут, в стороночке, да сильно не шебурши. Я сейчас, скоренько.

Проходя мимо развалившихся у костра приятелей, он махнул рукой, на лету поймал брошенную ему репу и скрылся в ближайшей хижине. Лайда огляделась. Шагах в десяти от кострища валялось упавшее дерево. Туда и направилась принцесса. Усевшись на источенный жуками ствол, она уткнула подбородок в колени и стала ждать. Разбойники косились с любопытством.

Наконец, какой-то парень лет двадцати с неожиданно седыми волосами, поманил её рукой:

– Иди к нам. Чего сидишь, как жаба на мосту?

Лайда отвернулась, изобразив презрение. Бандиты захохотали.

– Им, Ляхой, твои политесы мерзительны, – отозвался краснолицый дядька с маленькими водянистыми глазками. – Они – барышня знатная. Самый, так сказать, цвет...

– Какой такой цвет, Кабан? – ослабилась третий. Его рябое лицо было обезображено шрамом, тянувшимся от угла рта до самого уха. – Кормчего помнишь? Так вот сестра евонная была белошвейка. Это, я понимаю, цвет. Платьёв у ей было – завались. Панталоны батистовые...

– Ты почём знаешь про панталоны-то? – хрюкнул Кабан.

Разбойники снова загоготали. Рябой надулся:

– Говорю – стало быть, знаю.

Тот, кого называли Ляхоем, со смехом двинул его в плечо:

– Брешешь, Лягуха! Как пить дать, брешешь!

– Чего с этой-то? – неожиданно сменил тему рябой, кивнув в Лайдину сторону. – На кой она нам сдалась, спрашивается?

– Не твоего ума дело! – заявил Кабан и тоже посмотрел на принцессу. – Начальству оно виднее.

– Она жрать может готовить, – принялся рассуждать долговязый яйцеголовый детина с глупым лицом. – Стирать там... Одежу чинить...

– Эта? – усомнился Ляхой. – Ты zenки-то протри, Бурелом! Не такой породы эта пташка. Её сызмальства мамки-няньки пестовали, нянчили. Нет, жратвы от такой не допросишься. Верно я говорю?

Вопрос был адресован Лайде, и девочка вновь скривилась.

– Немая что ли? А ну ещё и глухая? – Кабан задумчиво поскрёб подбородок. – Это, братцы, совсем худо.

– И ничего не худо! – задорно отозвался Ляхой. – Нам с ней лясы точить резона нет.

– Так-то оно так, – согласился Кабан. – А ежели тебе, к примеру, сказать ей надо: «Почини, девка, мою душегрейку». Тогда как?

Лайда зажмурилась и закрыла уши руками. Пусть болтают, что хотят, а слушать она не станет – противно. В это время что-то ударило её по ноге. Не больно – всё-таки три нижние юбки так запросто не пробьёшь, – но вполне ощутимо. Лайда открыла глаза. Платье было испачкано сажей, рядом валялась печёная репа.

– Вот так, стало быть, – Ляхой демонстративно обтёр руки о штанину. – Запущу в неё чем-нибудь, и дело с концом.

Тут-то Лайда и рассвирепела. Такое случилось с ней нечасто, но уж если случилось... Оглядевшись по сторонам, девочка быстро обнаружила то, что искала. Рядом с деревом валялось несколько толстых сучьев. Выбрав тот, что покрупнее, Лайда схватила его и тотчас запустила в разбойника:

– Не смей швырять в меня репой, свинья!

Получив палкой в скулу, бандит изумлённо захлопал глазами. Остальные покатались со смеху.

– Пташка-то клюётся! – схватился за живот Кабан. – То-то она тебя!

Ляхой вскочил на ноги:

– Ух, зараза!

Нужно было бежать, но Лайда не могла пошевелиться от страха.

– Я ж тебе, гадина!.. – взревел бандит, двинувшись на неё. Его кулаки были сжаты, губы дрожали.

Лайда зажмурилась. Она не станет смотреть. Ни за что!

Вдруг издалека послышался окрик:

– Остынь, Ляхой! Сам виноват! Нечего в барышню репой швырять, тогда и в глаз не получишь!

Лайдин спаситель приблизился и встал между новоиспечёнными врагами. Он смотрел насмешливо, но бандиты отчего-то притихли, странно скукожившись.

– Чего она меня палкой-то? – пробурчал Ляхой.

– А то сам не знаешь! – хмыкнул атаман. – А ты, девонька, молодец, не струсил!

«Ещё как струсил!» – хотела сказать Лайда, но промолчала. И вообще решила больше с разбойниками не пререкаться. На всякий случай. Вышло, правда, не очень. Да, что там! Совсем не вышло, если начистоту. Всё оттого, что молодой атаман вдруг спросил:

– Ты кто такая? Как звать?

Лайда возьми и скажи:

– А сам-то представиться не желаешь? А то так и ходишь с платком, лицо прячешь.

Разбойники снова засмеялись, но иначе. Прежде они ржали, как лошади в горячей конюшне, теперь же робко захихикали, переглядываясь.

– Твоя правда, – согласился юноша. – Невежливо выходит.

Сказав это, он снял свой пёстрый платок, и Лайда невольно охнула. Перед ней стоял вовсе не юноша. Да и не «стоял», если разобраться. Принцесса привыкла доверять своему зрению, но сейчас усомнилась в его надёжности, потому что атаман оказался... женщиной. Точнее, девушкой лет девятнадцати.

Лицо у неё было круглое, бледное. Нос короткий, чуть вздёрнутый. Светлые глаза с белёсыми ресницами и кустистые рыжеватые брови. Одним словом, не красавица. Принцесса даже почувствовала что-то похожее на разочарование. Она-то представляла благородного юношу. А тут мало того, что девица, так ещё и страшенькая.

– Стало быть, зови меня Занозой, – криво улыбнулась атаманша.

– Это не похоже на имя, – прошептала принцесса.

Атаманша оглядела свою свиту:

– Тут, девонька, у всех имена такие. Не то имена, не то клички собачьи. Верно я говорю? Разбойники закивали, заукали.

– А только мы и таким рады. Вот Ястреб, а это – Сныть, – продолжала девушка, поочерёдно указывая на разбойников. – Это – Кабан. Это – Бурелом. Ляхоя ты знаешь. Язык у него поганый, грабли загребущие, мозги – как у цыплёнка. А всё ж он незлой, Ляхой-то.

Разбойник стоял пристыженный, не поднимая глаз.

– Иди сюда, – неожиданно предложила принцессе Заноза. – У костерка посидим, покалякаем.

– Я с ними сидеть не стану! – огрызнулась Лайда. – Особенно с этим, – она указала на Ляхоя. – Не желаю, чтобы он меня оскорблял.

Она была уверена, что атаманша разозлится, но та кивнула разбойникам:

– Подите, ребятушки, просвежитесь. А мы туточки по-девичьи побалакаем.

Когда, фыркая и скалясь, разбойники убрались восвояси, Лайда осторожно подобрала платье и села на трухлявый пенёк поближе к костру. Заноза подбросила щепок, и притихший, было, огонь вновь разгорелся.

– Стало быть, этот тощий дятел – наш король? – атаманша подошла прутик и теперь размахивала им из стороны в сторону, глядя, как дымный хвост тянется по воздуху.

– С чего ты взяла? – осторожно поинтересовалась Лайда.

– Мидавы. Они абы за кем таскаться не станут, а тут бились как черти. С чего бы, спрашивается? Выходит, большую шишку везли. Так что ли?

Лайда неопределённо покачала головой.

– Не скажешь? – удивилась Заноза. – Чего тогда драпала?

– Может, я твоих головорезов испугалась.

– Ой ли? – закатила глаза атаманша. – Мои головорезы тебя пальцем не тронули. Репой разве треснули, да и то несильно. А драпала ты от мидава чернявого. Так?

– Допустим, – уклончиво ответила принцесса. Она до сих пор не решила, сможет ли использовать разбойницу в своих целях, а потому не торопилась откровенничать.

Заноза удовлетворённо кивнула:

– Платье у тебя справное, шубка соболем подбита. Была шубка. Покуда ты её коню под копыта не шваркнула, девонька. Так запросто, будто у тебя таких шубок воз да ещё полвоза. Цацки золотые... Ну, да это я так. К слову пришлось. Теперь, стало быть, главная загадка: кто ж ты будешь, пташечка?

Лайда молчала.

– Боишься, значит? – догадалась разбойница. – Думаешь, продам тебя ихнему Величеству с потрохами?

– Если заплатит – продашь, – в тон ей проворчала принцесса.

– Частенько тебя, поди, продавали, – вздохнула атаманша, – коли совсем людям не веришь. Годков-то тебе сколько?

– Тринадцать, – отозвалась принцесса, не заметив подвоха.

Заноза прищурилась, вглядываясь в её лицо:

– Я думала, десяти не сравнялось. До того ты маленькая. Ну, да мне немногим больше было, когда меня из дому выперли. Оно, знаешь, как бывает? Живёшь себе, горя не ведая, а тут – на тебе. И вся твоя жизнь бесприютная больше гроша ломаного не стоит.

– Почему тебя из дома выгнали?

– Почему и тебя. Мешала сильно.

– Меня никто не выгонял.

– И то верно. Ты сама драпака задала. Выходит, не расскажешь, чем тебе ихнее худосочное Величество не угодило?

Лайда не ответила.

– Ну, коли так, – пожала плечами Заноза, – прощай, как говорится. Не поминай лихом.

– Что значит «прощай»?! – возмутилась девочка. – Прогонишь меня?

– Дороги к лагерю ты не видала, стало быть, никого не приведёшь. Завяжу тебе зенки да и отволоку подальше.

– Откуда ты знаешь, что я дороги не видела?

– Говорю же: затылком глядеть умею. Ты всю дорогу с закрытыми глазами сидела, как крот слепенький.

– Куда же я пойду?!

– А мне что за дело?! Вали, куда хочешь, да уж не обертайся!

Лайда неохотно поднялась. Вышло даже хуже, чем она рассчитывала. Куда теперь идти? Что делать? Да, не всё ли одно?! Куда ни пойдёшь – мидавы сцапают и отведут к Шамшану, а там... И думать страшно!

Лайда оглянулась. Заноза смотрела незлобно, вроде бы даже жалостливо. Выходит, не всё потеряно.

Принцесса вздохнула, глянула искоса, будто бы снизу вверх и снова вздохнула. Конечно, атаманша разбойников не такая лёгкая добыча, как королева Сона, но и у неё есть сердце. Нужно только подобрать к нему ключик.

– Пожрать что ли не хочешь, на дорожку-то? – окликнула девочку Заноза.

Сработало! Лайда смиренно покачала головой и вдруг, зарывав, бросилась к ногам разбойницы:

– Не прогоняй меня! Прошу! Помоги!

Видала бы атаманша своё лицо! От прежней уверенности вмиг ничего не осталось: щёки раздула, ресницами захлопала... Того и гляди – заплачет. А Лайда – всё о своём:

– Отвези меня к тётушке, она тебе денег даст! И золота – сколько попросишь!

Тут она, конечно, перегнула, но разбойница наживку заглотила, не поморщившись:

– Как же я тебя за море-то переправлю, девонька?

Не успела принцесса испугаться, как она пояснила:

– Что ты – королевская дочка, это я сразу скумекала. Небось не дурочка! А только до тётки твоей нам вовек не добратся.

– Она заплатит, – всхлипнула девочка. – Сколько нужно заплатит.

Заноза вытянула губы трубочкой и смешно задвигала ими из стороны в сторону – задумалась.

– Вот что, девонька. Есть у меня в порту, в Ристоне один человек. С виду неказистый, а только кудесник, каких поискать. Уж он-то найдёт, как нас за море доставить, ежели тётка твоя золота не пожалеет. Но смотри: дёшево не станет!

Смахнув слёзы, Лайда стукнула себя кулачком в грудь:

– Всё, что пожелаешь, отдаст!

– Тогда по рукам, девонька! – Заноза протянула принцессе обветренную ладонь с поломанными ногтями. Лайда вложила в неё свою сухую, сморщенную ладошку:

– По рукам!

Дорожная грамота

Можно ли вообразить что-нибудь более приятное, чем дорога?! Если и найдётся человек, убеждённый в существовании подобной вещи, то это, наверняка, тот несчастный, которому никогда не доводилось выходить дальше ворот собственного дома.

Самые сладкие пирожные рано или поздно теряют вкус. Самые красивые безделушки покрываются слоем пыли. Только в дороге всегда остаётся новизна, без которой теряет остроту даже пронзительный, живой ум исследователя, не говоря уже о будничном, сером сознании обычного человека. Если же какой-то маршрут кажется давно знакомым и скучным, то стоит повернуть в другую сторону – и перед тобой новый путь, новые места, новая пища для наблюдений. Дороги – единственное, чего хватит на всех, было бы желание идти.

Селена любила путешествия больше всего на свете. То есть, конечно, не совсем. Никласа, к примеру, она любила сильнее. И Виллу. И даже Зебу. Но путешествия были нужны ей для счастья почти так же, как пища или крыша над головой.

Раньше Селене нравилось ездить с отцом в другие города, смотреть на меняющиеся пейзажи и мечтать, но теперь её дорожные мечты стали на удивление однообразными. Сначала она и сама не понимала, почему при виде пологих охряных холмов представляет каменный забор, поле, зубчатую полоску леса на горизонте. После – сообразила и удивилась сделанному открытию. Селена просто скучала. По неуклюжему старому дому. По лесной опушке с гибкими молоденькими деревцами, на которых весной распускаются трогательные гофрированные листочки. По старой коряге – лучшему месту для игр. По Доре и прежней жизни с её предсказуемым, размеренным укладом.

– Я хочу домой, – проговорила Селена.

Для того, кто не понимал её рассуждений, это, должно быть, прозвучало странно, и Зебу даже остановился от неожиданности:

– Как же сыворотка? Мы не можем вернуться.

Селена замотала головой, легонько прищиприв лошадь:

– Я не о том. Просто, мне вдруг подумалось: как было бы здорово вернуться в Тарию! Не сейчас – когда-нибудь.

– И вернёмся! – оптимизма у Зебу хватало. – Не будет же Шамшан править вечно!

Селена вздохнула. Ждать всегда трудно, а ждать неизвестно чего – трудно вдвойне.

– Я скучаю по отцу, – сообщил Зебу доверительным шёпотом.

Селена давно привыкла к способности мидавов транслировать мысль в пространство, используя любые возможные голосовые модуляции, но тут отчего-то взглянула на друга по-новому. Сейчас принявшего человеческий образ мидава не отличить от простого мальчика, но Зебу – не мальчик. И он не обыкновенный. То есть, для мидава в нём нет ничего исключительного, но человеку о таких способностях и мечтать не приходится.

– Ты ещё не чуешь? – спросила она.

Чутьё – одна из уникальных мидавских особенностей. Эти существа могут не только передавать информацию в пространство, но и получать её, причём иногда – в довольно причудливой форме. Это и называется «чуять». Человеку может показаться, что чутьё – это что-то вроде ясновидения, но в действительности всё куда проще. А, может, и сложнее – как посмотреть. Никлас много об этом рассказывал. Дело в том, что в мозге каждого мидава есть специальный отдел. Маленький, с полногтя, но очень важный. Именно там и находится так называемый «информационный фильтр». У Рована Таля есть трактат «Сила разума». Там об этом подробно написано. Селена как-то начала читать, но было чересчур сложно, и она решила вернуться к этой книге попозже, когда повзрослеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.